

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 25. «Мне на плечи кидается век-волкодав»

Выпуск № 598

Лариса Миллер

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух,
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, – говорят в ответ, –
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, – говорят устало, –
Что ни отдай, всё будет мало.

1983

Арсений Тарковский

Верблюд

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшёрсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,

Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу – печаль и величье,
И верно, с тех пор погремок
На шее болтается птичьей.

По Чёрным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А всё-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

1947

Выпуск № 610

Александр Пушкин

из цикла «Подражания Корану»

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчётливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, –
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,

Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут – господом отверженная дань.

1824

Ирина Ратушинская

Мы словесно непереваемы.
Что стихи? Это запах дыма –
Не тому, кто курит, а рядом.
Аромат, переставший быть ядом,
Синь-трава, невесомое дело!
А когда потянет горелым –
Так положено. Все это знают.
Неизодранное знамя
Существует до первого боя.
Выше!

Вот уже – в клочья!

С тобою –

Бог,

А кто за тобой – невредимы,
Только волосы пахнут дымом.
А другой судьбы просто нету.
На роду российским поэтам –
Быть простреленными, как знамёнам.
А потом уже – поимённо.

1982

Выпуск № 76

Михаил Лермонтов

К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?

Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.
Изгнанием из страны родной
Хвалясь повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарён природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

1830-1831

Алексей Толстой

Как селянин, когда грозят
Войны тяжелые удары,
В дремучий лес несёт свой клад
От нападения и пожара,

И там во мрачной тишине
Глубоко в землю зарывает,
И на чешуйчатой сосне
Свой знак с заклятием зарубает,

Так ты, певец, в лихие дни,
Во дни гоненья рокового,
Под тёмной речью хорони
Своё пророческое слово.

1858

Марина Цветаева

Надобно смело признаться, Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знамёнам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность – царствам,
Не доверяют Шатра – ветрам.

Знаешь царя – так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величию – вине – беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность – Хану,
Не присягают его орде.

Ветренный век мы застали, Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы – иные флаги!
Мы ж остаёмся верны присяге,
Ибо дурные вожди – ветра.

1918

Выпуск № 1070

Осип Мандельштам

Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.

А ныне человек – ни раб, ни властелин,
Не опьянен собой – а только отуманен;

Невольно думаешь: всемирный гражданин!
А хочется сказать – всемирный горожанин!

1914

Лариса Патракова

Сосуды времени разбавлены водой...
Я видела, как наполняли чаши:
Водопроводной, с хлоркой, здешней, нашей –
Не мёртвой явно, но и не живой...

Владимир Набоков

Поэты

Что ж! В годы грохота и смрада,
ещё иссякнуть не успев,
журчит, о бледная отрада,
наш замирающий напев...
И, слабый, ласковый, ненужный,
он веет тонкою тоской,
как трепет бабочки жемчужной
в окне трескучей мастерской.

Так беспощаден гул окрестный,
людей так грубы города,
нам так невесело и тесно, –
что мы уходим навсегда...
И, горько сжав сухие губы,
глядим мы, падшие цари,
как чёрные дымятся трубы
среди перьев розовой зари.

1919

Выпуск № 72

Лариса Миллер

В машинном рёве тонет зов,
И вместо дивной кантилены
Звучит надсадный вой сирены
И визг безумных тормозов.
И всё же надо жить и петь,
Коль петь однажды подрядился,
И надо верить, что родился,
Чтобы от счастья умереть.

1994

Владислав Ходасевич

Везде

Пусть стены круты, башни стройны
И ослепительны огни;
Пусть льют потоки крови войны;
Пусть переменны наши дни;

Пускай кипят, звенят, трепещут,
Грохочут гулко города;
Пусть время неумолчно плещет, –
Ты надо всем горишь, звезда!

Прости мне, свет иной основы,
Неизменяемых начал, –
Что я тебя в борьбе суровой
Так безрассудно забывал.

1904

Владимир Набоков

Нас мало – юных, окрылённых,
не задохнувшихся в пыли,
ещё простых, ещё влюблённых
в улыбку детскую земли.

Мы только шорох в старых парках,
мы только птицы, мы живём
в очарованьи пятен ярких,
в чередованьи звуковом.

Мы только мутный цвет миндальный,
мы только первопутный снег,
отенок тонкий, отзвук дальний, –
но мы пришли в зловещий век.

Навис он, грубый и огромный,
но что нам гром его тревог?
Мы целомудренно бездомны,
и с нами звёзды, ветер, Бог.

Выпуск № 644

Александр Блок

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплёлся бороздою
Сырой и чёрной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Её невидимую ткань...

И сердце бьётся слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,

Когда за тучкой легкопёрой
Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...*

Нет, не один я был на пире!

Нет, не забуду никогда!

1909

Владимир Набоков

Костёр

На сумрачной чужбине, в чаще,
где ужас очертанья стёр,
среди прогалины – горящий,
как сердце жаркое, костёр.

Вокруг синеющие тени,
и сквозь летающую сеть
теней и рдяных отражений
склонённых лиц не разглядеть.

Но, отгоняя сумрак жадный,
вот песня вспыхнула в тиши,
гори, гори, костёр отрадный,
шинели наши осуши.

И снова всколыхнулись плечи,
и снова полуночный взмах,
кипят воинственные речи
и слёзы светятся в глазах.

Зверьё, блуждающее в чашах,
лесные духи и ветра
бегут от этих глаз горящих
и от поющего костра.

Зато с каким благоговеньем,
с какою верой в трудный путь,
утешен пламенем и пеньем,
подходит странник отдохнуть.

1924

Выпуск № 178

Мария Петровых

Д. С.

Взгляни – два дерева растут
Из корня одного.
Судьба ль, случайность ли, но тут
И без родства – родство.
Когда зимой шумит метель,
Когда мороз суров, –
Берёзу охраняет ель
От губельных ветров.
А в зной, когда трава горит
И хвое впору тлеть, –
Берёза тенью одарит,
Поможет уцелеть.
Некровные растут не врозь,
Их близость – навсегда.
А у людей – всё вкривь да вкось,
И горько от стыда.

Арсений Тарковский

Ночной звонок

Зачем заковываешь на ночь
По-каторжному дверь свою?
Пока ты спишь, Иван Иваныч,
Я у парадного стою.

В резину чёрную обута,
Ко мне идёт убийца-ночь,
И я звоню, ищу приюта,
А ты не хочешь мне помочь,

Закладываешь уши ватой
И слышишь смутный звон сквозь сон.
Пускай, мол, шебуршит, проклятый,
Подумаешь – глагол времён!

Не веришь в ад, не ищешь рая,
А раз их нет – какой в них прок?
Что скажешь, если запятнаю
Своею кровью твой порог?

Как в полдевятого на службу
За тысячей своих рублей,
Предав гражданство, братство, дружбу,
Пойдёшь по улице своей?

Она от крови почернела,
Крестом помечен каждый дом.
Скажи: "А вам какое дело?
Я крепкий сон добыл горбом".

1946-1958

Лариса Патракова

Дуэлей нет. Подлец для гения
Иначе страшен в этот век.
Дуэлей нет. И нет спасения.
И в сорок падают, как в снег.
В разглаженные эти простыни,
Не веря, что уже – не быть!
Послушайте, не слишком просто ли
Мы позволяем погубить
Недобрым словом, неприятием
Чужой тоски, чужих тревог –
Уже не просто неприятели:
У каждого взведён курок.

Снег не намокнет кровью алою,
Не щёлкнет сухо пистолет,
Но секунданты запоздалые
Потащат истину на свет.

Выпуск № 1332

Лариса Патракова

Не советуйте мне. От себя отрешиться не просто.
Не давайте советов. Сама, когда надо пойму
И примерю к себе то решенье, какое по росту,
И изведаю страх, окунувшись в его глубину.

Преждевременны ваши житейские выводы, други,
И забота такая во мне не добром прорастёт.
Я одна на ветру. Я одна в этом замкнутом круге
И решенье – за ним. А пока пусть и мне не везёт.

Я могу продержаться и в сжатом от боли пространстве,
Мне себя убересть от участливых Ваших тревог,
Мне себя сохранить лишь в одном, лишь в моём постоянстве,

Не желая, чтоб кто-то мне в этой заботе помог.

Не давайте советов: разменная эта монета
Не спасает надолго. И каждый – оплатит своё...

Зинаида Миркина

Ну, что же, раз пришло, то заходи –
Огромное, косматое, лихое...
Мне надо уместить тебя в груди
С твоим звериным, диким воем.
Чудовищное Горе... Время игр
Давно прошло. Померкли небылицы. –
В мой дом ворвался разъярённый тигр,
И с этим тигром я должна ужиться.
Выталкивать нельзя, иначе съест
И ближнего, и дальнего соседа, –
Всех, кто беспечно лепится окрест
И ничего о том не хочет ведать.
Не вытолкнуть, но и не продохнуть.
О, если бы судьба сняла излишки!
Что это значит: всё в себя вмещающая грудь,
Придётся мне узнать не понаслышке.

Выпуск № 23

Марина Цветаева

Только в очи мы взглянули – без остатка,
Только голос наш до вопля вознесён –
Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.
Слёзы в очи загоняет, воды –
В берега, проклятия – в уста.
И стремится железная свобода

Вольнодумца с нового моста.
И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно – мне спокойно – мне светло.

1917

Мария Петровых

Идёшь и думаешь так громко,
Что и оглянешься не раз,
И – молча: «Это не для вас,
А для далёкого потомка,
Не бойтесь, это не сейчас».

И – молча: «Неужели слышно?»
Давно бы надо запретить,
Столь громко думая, ходить.
Живём не по доходам пышно,
Ходящих время усадить

Иль уложить, поя снотворным, –
Пусть в омуте утонут чёрном,
В глухом беспамятном бреду,
Назло их мыслям непокорным.
Но я пока ещё иду.

1971

Максимилиан Волошин

Газеты

Я пробегаю жадным взглядом
Вестей горячих письма,

Чтоб душу, влажную от сна,
С утра ожечь ползучим ядом.
В строках кровавого листа
Кишат смертельные трихины,
Проникновенно лезвиины,
Неистребимы, как мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнева,
Вникают в мысль, гниют в сердцах,
Туманят дух, цветут в бойцах
Огнями дьявольского сева.
Ложь заволакивает мозг
Тягучей дрёмой хлороформа
И зыбкой полуправды форма
Течёт и лепится, как воск.
И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть, как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!

1915

Выпуск № 1297

Мария Петровых

Всеобщее

Даже в дорогой моей обители
За стеной живут... иные жители.
Тише, тише, милые друзья!
В нашей не участвуя беседе,
Любознательнейшие соседи
Слушают, дыханье затая...

Хоть бы раз промолвить слово резкое,
Хоть бы знать – робею или брезгую?
Страшно или мерзко тронуть грязь?
Но обходишь эту слякоть липкую
С жалкою прощающей улыбкою,
Сердцем негодующим крепясь.

Ярослав Таран

Гамлет

...Что, шут? Оступишься – и тут же
вокруг осатанеет мир,
и вьюга жалобно закружит:
воронка неба – ближе, уже!..

Во вздутых жилах – слов удушье:
уже не ближний, а вампир,
но роль свою – всё ту же, ту же! –
исполнит каждый до конца.

Здесь, в луже лжи, как в царской ложе,
встречать небесного гонца!
Сижу и жду, и дрожь по коже...
Вдруг маска упадёт с лица?

Машина времени опять
заставит нас переиграть
всё то же, всё одно и то же...

Вольно на сцене умирать!
Но станет слово чище, строже...
И Гамлета услышит мать.

2008

Выпуск № 308

Анна Ахматова

Воронеж

О. Мандельштаму

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зелёный,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и муза в свой черёд.
И ночь идёт,
Которая не ведает рассвета.

1936

Осип Мандельштам

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим,
И всё растёт вопрос: куда они, откуда
И не ползёт ли медленно по ним

Тот, о котором мы во сне кричим, —
Народов будущих Иуда?

1937

Выпуск № 107

Осип Мандельштам

Квартира тиха как бумага —
Пустая, без всяких затей, —
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребёнке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Колхозному баю пою.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намёк,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать,
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.

1933

Даниил Андреев

Из погибшей рукописи

Без небесных хоров, без видений
Дни и ночи тесны, как в гробу...
Боже! Не от смерти – от падений
Защити бесправную судьбу.

Чтоб, истерзан суетой и смутой,
Без любви, без подвига, без сил,
Я стеной постыдного уюта
В день грозы себя не оградил;

Чтоб, дымясь по выжженным оврагам
И переступая чрез тела,
Мгла войны непоправимым мраком
Мечущийся ум не залила;

Научи – напевы те, что ночью
Создавать повелеваешь Ты –
В щель, непредугаданную зодчим,
Для столетней прятать немоты.

Помоги – как чудного венчанья
Ждать бесцельной гибели своей,
Сохранив лишь медный крест молчанья –
Честь и долг поэта наших дней.

Если же пойму я, что довольно,
Что не будет Твоего гонца,
Отврати меня от добровольной
Пули из тяжелого свинца.

1937

Выпуск № 1154

Юлий Даниэль

Я устал огрызаться по-волчьи,
Кислотою вьедаться в металл,
Я от ненависти, от желчи,
Я от челюстей сжатых устал.

Засмеяться, запеть хорошо бы,
Примирённо уснуть к десяти.
Только пошло из тягостной злобы
Мне от губ своих не отвести.

Я ночью и днём с бедою,
Сушит глотку проклятый настой;

Кто нагнётся с живою водою
Над убитой моей добротой?

Говорят, есть песчаная отмель,
Взрывы сосен и в море огни...
То, что молот бессмысленный отнял,
Отдадут мне, быть может, они?

Говорят, есть луга и ущелья,
И леса, и роса, и жнивье –
Может, в этом моё возвращенье,
Воскресенье, спасенье моё?

Может, так под овации лютен
Решено на Высоком Суде:
От людей! Чтобы заново – к людям.
От себя! Чтобы снова – к себе!

Ирина Ратушинская

Вот и печка нагрета, и мать не корит,
И не нужно смертельной отваги.
Но зигзаг Ориона над нами горит,
Как устам – повторенье присяги.
Те же звёзды внимательно смотрят на нас,
Те же сны, затаивши дыханье,
Наблюдают за нами: погас – не погас
В испытаньи бездонным скитаньем.
Те же струны печалют подростков гонцов,
Хоть иную узду обгрызают.
Лютый смерч декабря –
Не отыщешь концов! –
Обелить наши тени дерзает.
Как рискованно след по пороше вести:
Сразу видно, куда и откуда!
Ни слепец, ни певец не укажет пути,
И смеётся с осины Иуда.

Многомерное эхо двухслойных словес
Ищет глотку с улыбкой волчицы.
Но всё те же огни с отдалённых небес
В нас глядят, как озябшие птицы.

1989

Выпуск № 192

Осип Мандельштам

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.

1931, 1935

Мария Петровых

Без оглядки не ступить ни шагу.
Хватит ли отваги на отвагу?
Диво ль, что не громки мы, не притки,
Нас кругом подстерегали пытки,
Снится ворон с карканьем вороньим.
Диво ль, что словечка не пророним,
Диво ль, что на сердце стынет наледь
И ничем уж нас не опечалить.
А отрада лишь в небесной сини,
Да зимой на ветках белый иней,
Да зелёные весною листья...
Мы ль виновны в жалком бескорыстье!
Мы живём не мудрствуя лукаво,
И не так уж мы преступны, право...

Прокляты, не только что преступны!
Велика ли честь, что неподкупны.
Как бы не страшились, не дрожали –
Веки опустили, губы сжали
В грозном молчании могильном,
Вековом, беспомощном, всеильном,
И ни нам, и ни от нас прощенья,
Только завещанье на отмщенье.

1939

Варлам Шаламов

С годами всё безоговорочней
Души беспечная уверенность,
Что в собранной по капле горечи
И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины
И надоест подобострастье,

И мы придём, кто выжил, с барщины,
Показывать Господни страсти.

И шёпот наш, как усилителем
Подхваченный сердечным эхом,
Ударит в уши поздним зрителям,
И будет вовсе не до смеха.

Мы им покажем нашу сторону
По синей стрелочке компаса,
Где нас расклёвывали вороны,
Дождавшись праздничного часа.

Где бледным северным сиянием
Качая призрачные скалы,
Светили мы на расстоянии,
Как со святого пьедестала.

И вот, пройдя пути Голгофские,
Почти лишившись дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи.

Выпуск № 580

Лариса Миллер

Жить сладко и мучительно,
И крайне поучительно.
Взгляни на образец.
У века исключительно
Напористый резец,
Которым он обтачивал,
Врезался и вколачивал,
Врубался и долбил,
Живую кровь выкачивал,
Живую душу пил.

Давид Самойлов

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикоснуться к победам.

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом.

Мне выпало всё. И при этом я выпал,
Как пьяный из фуры, в походе великом.

Как валенок мёрзлый, валяюсь в кювете.
Добро на Руси ничего не имети.

Варлам Шаламов

Поэту

В моём, ещё недавнем прошлом,
На солнце камни раскаля,
Босые, пыльные подошвы
Палила мне моя земля.

И я стонал в клещах мороза,
Что ногти с мясом вырвал мне,
Рукой обламывал я слёзы,
И это было не во сне.

Там я в сравнениях избитых
Искал избитых правоту,
Там самый день был средством пыток,
Что применяются в аду.

Я мял в ладонях, полных страха,
Седые потные виски,
Моя солёная рубаха
Легко ломалась на куски.

Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевший в тёмный лес.

Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом,
Я жить решался на часы.

И каждый вечер, в удивленье,
Что до сих пор ещё живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их, как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственной связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

И средь магического хода
Сравнений, образов и слов
Взыскующая нас природа
Кричала изо всех углов,

Что, отродясь не быв жестокой,
Успокоенью моему
Она ещё назначит сроки,
Когда всю правду я пойму.

И я хвалил себя за память,
Что пронесла через года
Сквозь жгучий камень, вьюги заметь

И власть всевидящего льда

Твоё спасительное слово,
Простор душевной чистоты,
Где строчка каждая – основа,
Опора жизни и мечты.

Вот потому-то средь притворства
И растлевающего зла
И сердце всё ещё не чёрство,
И кровь моя ещё тепла.

Выпуск № 1188

Ирина Ратушинская

А в этом году подуло весной
Четвёртого февраля.
И на вспененной лошади вестовой
В нелепом мундире старинных войн
Промчал по мёрзлым полям.
Прокатили мускулы облаков
По всем горизонтам гром,
И запели трубы былых полков
Смертью и серебром.
И по грудь в весне провели коней,
И намокли весной плащи,
А что там могло так странно звенеть
Мне было не различить.
Но рвануло сердце на этот звон,
И усталость крылом смело.
И это был никакой не сон:
Было уже светло.

1984

Лариса Патракова

Священное безумие войны –
Всё это в прошлом, словно сказки детства.
Земле о том напомнят только сны.
Растрчено священное наследство
Отваги, чести, мужества в бою –
Иные брани властвуют над миром
И у войны бесславной нет кумиров:
Мир озверел у бездны на краю.
Не преклонят колена у знамён
И трубы перед боем не сыграют,
Здесь даже мстью дух не обожжен –
Открыв лицо, здесь просто убивают.
Священное безумие войны:
Атаки с песней, подвиги, погони...
Последний раз земле упасть в ладони...
Да будем этой памяти верны!

Выпуск № 1402

Анна Ахматова

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть всё небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,

Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слежки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Окормили меня клеветою,
Опоили отравой меня.
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.

1959

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

Когда не разделишь в клокочущем шторме
Пучину от материков,
 в ночь бед,
Одна лишь Заступница гибнущим в скорби,
И на берегах – маяков
 нам нет.

Не молим об утре, о тихом причале,
О мирных закатах
 в конце
 всех дней,
И полн неумолчной, как море, печали
Наш клир, наш суровый псалом –
 зов к Ней:

Свершить непостыдно
 завещанный Богом
Наш путь в океане мирском
 дай сил!
Дай сил – не растратить по бурным дорогам
Даров, для которых Он жизнь

нам длил!

Дай всем, кто лелеет свой жемчуг небесный,
Кто в крестном боренье
 творит
 свой храм,
Свершить до конца его подвиг безвестный
Пред тёмным отходом
 к иным
 мирам.

Шторм бьёт, и чугунное небо всё ниже,
Разбросан, развеян и глух
 наш хор,
Но Ты ему внемлешь,
 Ты можешь, —
 склони же,
Печальница тёмной земли,
 Свой взор.

1950-1955